
Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

И псу живому лучше, чем мертвому льву.
Екклезиаст, 9, 4

I

Молодой доктор Владимир Иванович Солодовников вышел пройтись по бульвару, что делал каждый день, если в это время, то есть около семи часов вечера, не был занят у больных. На бульваре он всегда встречал кого-нибудь из своих знакомых и, пройдя с ними весь бульвар из конца в конец, шел в клуб читать газеты и играть на бильярде.

Но на этот раз погода была дурная: небо с утра затянулось сплошными серыми тучами; было ветрено и сыро, а потому на бульваре не было никого, кроме неподвижного постового городского.

Пройдя до конца бульвара, Солодовников повернул назад и решил идти прямо в клуб.

Навстречу ему шел человек, и Владимир Иванович узнал в нем своего знакомого пехотного подпрапорщика Гололобова. Подпрапорщик шел, как всегда, щеголеватою быстрою походкою, бодро выступая лакированными сапогами, высоко подняв сильно подложенные ватой плечи и грудь и мужественно шагая по лужам.

- Здравствуйте, воин, - сказал Владимир Иванович, поравнявшись с подпрапорщиком.

Гололобов вежливо поклонился, дотронувшись пальцами до своей маленькой фуражки.

- Вы куда же стремитесь? - спросил Владимир Иванович только для того, чтобы не молчать.

- Домой, - так же вежливо ответил подпрапорщик.

А... - сказал Владимир Иванович.

Подпрапорщик Гололобов стоял против него и учтиво ждал. Владимир Иванович решительно не знал, что ему сказать. Он знал подпрапорщика очень мало, встречался с ним редко, а когда и встречался, то не говорил ни слова, кроме "здравствуйте" и "прощайте". Несмотря на это, он почему-то считал подпрапорщика глупым и неразвитым, и в другое время, будь на бульваре кто-либо другой из знакомых, Владимир Иванович не обратил бы на подпрапорщика никакого внимания.

- Ну, путь добрый! - ласково-пренебрежительно, как говорят с людьми несравненно ниже стоящими, когда из чувства собственного достоинства не хотят показать им свое настоящее к ним отношение, сказал Владимир Иванович и подал подпрапорщику руку.

Гололобов пожал протянутую ладонь, опять дотронулся до козырька своей фуражки и пошел дальше, все так же щеголевато выступая лакированными сапогами.

Владимир Иванович пошел в клуб, сыграл три партии на бильярде, причем из трех выигранных бутылок пива выпил больше половины; прошел в библиотеку, где с одинаковым вниманием и интересом прочел обе газеты, одну либеральную, другую консервативную; поболтал с двумя знакомыми дамами и тремя чиновниками, которых считал глупыми, смешными и отсталыми именно потому, что они были чиновниками; потом закусил у буфета и выпил четыре рюмки водки. От всего этого ему стало скучно, и около десяти часов вечера он пошел домой.

Ветер упал, но зато с неба моросил мелкий, холодный и частый дождь. Лужи расплылись, и уже нельзя было их обходить. Приподняв плечи и воротник, аккуратно подвернув концы брюк, Владимир Иванович быстро пошел по бульвару и скоро повернул в улицу, на которой жил.

В третьем доме от угла, за подъездом булочной, ярко освещенное окно бросало в темноту полосу неподвижного света, в которой мелькали капли дождя. Владимир Иванович машинально припомнил, что именно в этом доме живет встретившийся ему сегодня подпрапорщик Гололобов.

Поравнявшись с окном, Владимир Иванович заглянул в него и увидел самого подпрапорщика, который совершенно неподвижно сидел прямо против окна, опустив голову. Владимиру Ивановичу от скуки и оттого, что так недавно он